

Глава 36

В ту ночь близость так и не состоялась. Фан Цзычэню пришлось во второй раз идти к колодцу, чтобы унять холодной водой жар в теле.

Чжао-гэр, укладывая сына, некоторое время колебался, но всё же решился спросить:

— Почему ты вдруг проснулся?

Обычно Гуай-цзай спал крепко до самого рассвета, если только его не припирало по нужде.

Малец плотно прижался к нему, комкая в кулачке одежду. Голос его был сонным и тягучим:

— Кровать качалась... Шумела сильно!

Фан Цзычэнь ещё не вернулся, и ребёнок, из последних сил борясь с дремотой, спросил:

— А папа где?

— Мыться ушёл, — ответил Чжао-гэр.

— Хочу подождать папу... Чтобы вместе спать.

— Будь послушным мальчиком, засыпай. Завтра проснёшься и поиграешь с ним, хорошо?

— Угу...

Когда малец наконец засопел, в комнату вошёл Фан Цзычэнь. Супруг давно заметил, что муж стоял за дверью — должно быть, из чистого смущения, боясь, что сын снова завалит его неудобными вопросами.

Однако он угадал лишь наполовину.

Фану сейчас и перед самим Чжао-гэром было до смерти неловко. Не зная, как работает основной инстинкт продолжения рода — это же какой удар по мужскому самолюбию!

Уже засыпая, он в полузабытьи размышлял над глубоким философским вопросом.

«Интересно, горы устроены так же, как женщины? — пронеслось в голове юноши. — И если...

хм... то куда именно это самое?»

На следующее утро Чжао-гэру пришлось изрядно постараться, чтобы добудиться супруга. Тот поднялся, едва переставляя ноги. Рабочий день в яхане начинался в восемь, так что из дома нужно было выходить не позже половины восьмого.

На завтрак Чжао-гэр сварил кашу, добавив в неё мелко нарезанные вчерашние шкварки, щепотку соли и свежий зелёный лук. Аромат стоял такой, что слюнки текли.

В комнате слышалась возня — проснулся Гуай-цзай. При мысли о вчерашнем ночном потрясении Фан Цзычэню на миг захотелось отвесить сорванцу пару профилактических шлепков по мягкому месту.

Чжао-гэр привёл ребёнка за руку. Малец тёр заспанные глаза; даже после умывания он выглядел вялым, но стоило ему увидеть отца, как лицо его тут же озарилось улыбкой.

— Папа!

Фан подхватил бросившегося к нему сына. Глядя на эту сияющую мордашку, он понял, что рука на него не поднимется.

Супруг налил ему полмиски каши. Фан Цзычэнь немного подумал и сказал:

— С этого дня жарь по утрам два яйца.

В доме оставалось ещё шесть штук. Чжао-гэр, решив, что муж сам проголодался, уже собрался кивнуть, но тот добавил:

— Тебе одно и сыну одно.

Юноша затряс головой:

— Мне не нужно.

— Как это не нужно? Посмотри на себя, худющий какой. Вчера... кхм... я грешным делом подумал, что на Костяного демона залез.

Стоило ему упомянуть прошлую ночь, как лицо Чжао-гэра вспыхнуло.

— Замолчи! Гуай-цзай же здесь!

Фан пожал плечами:

— Да что он понимает.

— Что? — Малец поднял голову от миски, широко распахнув глазёнки.

— Ешь давай, — Фан легонько ущипнул его за щеку. — Осторожно, горячо.

Гуай-цзай вдруг отложил палочки, спрыгнул с табурета и, притопывая босыми ножками, подбежал к отцу. Встав на цыпочки, он изо всех сил принялся дуть в миску Фан Цзычэня.

Какая трогательная сыновья почтительность...

Вот только лицо мужчины тут же приобрело землистый оттенок. Чжао-гэр, едва сдерживая смех, похлопал сына по плечу:

— Ну всё, хватит. Папа сам остудит. Иди на место и доедай кашу.

Гуай-цзай задрал голову, вопросительно глядя на Фан Цзычэня: неужели его помощь больше не нужна?

Тот несильно шлёпнул его ниже спины:

— Слушайся отца.

Малец прикрыл ладошкой ушибленное место и удручённо вздохнул:

— О-о-ох...

Фан Цзычэнь помешивал еду, невольно усмехаясь:

— Эта похлёбка и так была жидкой, а после пары унций твоих слюней я там и рисинки не разгляжу.

Чжао-гэр, испугавшись, что муж побрезгует, предложил:

— Давай я со своей поменяю?

— Да ладно, — Фан в два глотка осушил миску. — Знаешь, а со слюнями-то, кажется, даже вкуснее стало.

«...»

«Опять болтает чепуху», — подумал Чжао-гэр.

После того как Фан Цзычэнь ушёл на работу, супруг тоже не остался без дела. Запасы воды в доме подошли к концу, так что он, прихватив коромысло и два ведра, отправился к реке.

Большинство деревенских носили воду сами; лишь немногие зажиточные семьи могли позволить себе нанять мастеров из города, чтобы выкопать колодец во дворе. Такое дело требовало сноровки и инструментов, простому человеку оно было не под силу.

Семья Ма когда-то подумывала о собственном колодце, но потом решили — зачем тратить деньги, когда под рукой есть Чжао-гэр? А теперь, когда и рады бы выкопать, серебра на это не осталось.

По иронии судьбы, сегодня к реке пришла и Ма-старуха. Она не бралась за тяжёлую работу уже лет десять, так что вёдра были наполнены едва ли наполовину, но она и их не могла поднять.

Увидев юношу, она вспомнила, как её сын Ма Вэнь целыми днями сохнет по этой «дряни», забросив все дела, и её захлестнула ярость. Старуха смачно плюнула вслед Чжао-гэру и прошипела:

— Тьфу, бесстыжая дешёвка.

Голос её звучал достаточно громко. Чжао-гэр замер на месте и медленно обернулся.

— Чего вылупился? Не тебя ругаю, — буркнула Ма-старуха.

— Тогда кого же? — спокойно спросил он.

— Кто дешёвка, ту и ругаю!

— Понятно, — ледяным тоном отозвался юноша. — И зачем же так себя честить? Впрочем, самокритичность — это похвально.

— Ты... ах ты!..

— Матушка! — Из-за её спины показался Ма Вэнь.

Зная, что сын всегда заступает за Чжао-гэра, из-за чего тот в последнее время стал к ней совсем холоден, Ма-старуха не решилась продолжать перепалку. Она лишь спросила:

— Ты чего пришёл? Возвращайся домой!

Вода в её вёдрах расплескалась, и её там осталось на самом донышке. Ма Вэнь перехватил коромысло:

— Матушка, идите домой, я сам принесу.

У реки сейчас было почти пусто. Заметив, что Чжао-гэр ещё здесь, женщина заупрямилась:

— Не нужно! Пошли назад. Вечером принесу, ничего не случится.

Но Чжао-гэр тронулся в путь ещё в тот момент, когда появился Ма Вэнь. Его силуэт уже почти скрылся из виду. Молодой человек лишь бросил короткое «Идите, мам!» и поспешно бросился вдогонку.

<http://bllate.org/book/15357/1423143>